

Диалоги космологического содержания в контексте зимней святочной обрядности карел

[Опубликовано: Художественный текст: явное и скрытое (IX Всероссийский междисциплинарный семинар). Петрозаводск 2007, с. 78-85]

Тексты, исполняемые в ритуале в форме диалога, явление достаточно распространенное, хотя, на рубеже XIX и XX веков, когда было зафиксировано большинство подобных текстов, уже пережиточное.

Многие эпические руны (или их части) построены на диалоге. Интересно, что относительно некоторых из них известно, что они использовались в качестве ритуальных текстов в производственной, свадебной, календарной и лечебной магии и обрядности.

Некоторые карельские свадебные песни также построены в форме вопросов-ответов, по крайней мере там явно звучат вопросы, задаваемые одной из сторон – родственниками жениха невесте и родственниками невесты жениху. Существует предположение (Holmberg-Harva), что весь цикл свадебных песен у карел некогда исполнялся в форме песен-диалогов¹. В свадебной обрядности следует отметить также диалоги сватов и родителей невесты.

Диалог является частью определенных форм лечения, например, болезни *гайраһуш* (сев. кар. ломота в спине) – по-русски называемого «утином» - её лечили имитацией рубки топором спины на трех порогах. Кто-то из домочадцев должен был спросить: «Что рубишь?» Лечащий отвечал: «Утин изгоняю!» и т.д.

Некоторые формы диалога приурочены к календарным обрядам, в основном это касается обрядности зимних святок, что, кстати, отмечено и Н. И. Толстым относительно южных славян².

У вошедших в дом ряженных на зимние Святки хозяева (на Карельском Перешейке) могли спросить: кто они такие или откуда они пришли? На это следовал ответ, что пришли они издалека или из-за моря или из-за города такого-то (называлось какое-нибудь отдаленное место) или следовал юмористический ответ: оттуда, где свиней едят со щетиной, а собак с шерстью, что, кстати, можно воспринимать как аллегию потустороннего мира, известную по эпическим песням.

Диалог хозяев с ряженными мог продолжаться (как в севернокарельском Панозере) в течение всего времени, пока ряженные находятся в доме, в особенности, если они с помощью каких-нибудь предметов и/или действий имитировали, к примеру, забой скота или покупку коровы, какие-то хозяйственные занятия и т. д. Хозяева, как бы не понимая, спрашивают у них что они делают, а ряженные объясняют всем очевидные вещи. Суть диалога состоит здесь не в том, чтобы что-то объяснить, а в том, чтобы назвать это вслух, прокомментировать. Разговоры ведутся о том, как скот приходит из леса домой (во многих местах пастухов не держали), как привели домой купленную корову, сколько мяса заготовили, сколько дичи убили и т. д. Налицо соединение акциональной и вербальной магии в сакральное время наступления Нового года, когда каждое слово и действие имеет продуцирующий характер.

¹ Holmberg-Harva 1929: Uno Holmberg-Harva. *Kauko-Karjalan häärinot*. Turku 1929.

² Толстой Н. И. Архаический ритуал-диалог. Очерки славянского язычества. М. 2003, с. 407.

Подобного рода комментирование (в данном случае без диалога) происходит и во время гаданий, т. е., собственно, перед ними, когда гадающий проговаривает вслух: если будет то-то, то пусть покажется тем-то. Например, при полотье снега в Войнице (Северная Карелия): «куда меня возьмут (замуж), оттуда пусть собаки лают» или при литье олова:

На царя: «Если война наступит, то пусть штыки, сабли, мечи будут (олово выльется в виде острых пик), если миру быть, пусть олово будет ровным».

На год: «Если хороший год будет, то пусть олово прибудет, если плохой год будет, то пусть олово убудет» (олово «богатое» – будто покрытое мхом, «приростками», олово «бедное» – тонкое и звенящее как жель).

На себя: «Если замуж пойду, пусть повойник выйдет», «Если женюсь, то пусть невеста рядом (со мной) покажется», «Если болеть буду, то пусть олово станет черным, а если здорова буду, то пусть будет светлым, а если смерть будет, то пусть выйдет крест (или гроб)» и т. д.³

На Европейском севере автору известны факты из районов расселения карел и русских из Олонецкой, Новгородской, Тверской и Костромской губерний, где зафиксированы рассказы о гаданиях на Святки, в которых описываются ведущиеся между гадающими и «нечистой» силой диалоги. «Нечистую» силу здесь чаще всего называют чертом (ср. южнокарельское *кагу*).

Гадающего предупреждают о том, что перед тем как объявить ему будущее, «нечистая» сила будет задавать вопросы, на которые надо уметь отвечать, т. е. ответить правильно. В противном случае жизнь гадающего подвергается опасности. Таким образом, гадающий не просто получает некое знание, общаясь с потусторонними силами, но должен выдержать серьезное испытание.

Однако, интересно здесь то, что на вопросы «нечистой» силы дать верный ответ в рассматриваемых случаях невозможно в принципе. Поэтому в рассказах гадающие отвечают вопросом на вопрос (что, похоже, вполне удовлетворяет «нечистую» силу) или дают ответ на вопрос в форме сравнения. Здесь приводится рассказ о гадании с тушей свиньи, записанный у тверских карел в 1950-е годы:

«/На святки/ со свиньей разговаривать ходили. Свинью трудно заставить говорить! Тут свинье надо много отвечать! Если только не сможешь ответить - плохо дело будет: следом побежит (...). Свинья спросит, скажет: "Сколько у меня на спине щетинок?". А свинье в ответ надо сказать: "А сколько у меня волосинок на голове?". Свинья снова спросит: "Сколько на небе звездочек?". - "Сколько на поле камешков, столько на небе звездочек!". - "Много ли, скажет, в море песчинок?". - "Сколько в холсте дырочек, столько в море песчинок!". Вот как надо со свиньей говорить! Потом только (...) свинья скажет за кого замуж /выйдешь/, кому что...»⁴

Если суммировать несколько текстов о диалоге гадающих с «нечистой» силой, записанных в Тверской и Олонецкой Карелии, то получим некоторое количество стандартных вопросов. «Серия» вопросов выглядит так: Сколько суставов, щетинок, волосинок у свиньи? / Сколько шерстинок на боку черной

³ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki; Jyväskylä, 1995, с. 175-176.

⁴ Макаров Г. Н. Образцы карельской речи: Калининские говоры. М.; Л., 1963, № 57, с. 104. Напомним, что тверские (калининские) карелы переселились в Россию в XVII веке в основном из районов Приладжья.

коровы? / Сколько волос на голове (у человека)? / Сколько зерен в четверти ржи? / Сколько в холсте дырочек? / Сколько на поле камешков? / Сколько в море песчинок? / Сколько на небе звездочек?

В чем, собственно, состоит в данном случае суть диалога? В серии вопросов и ответов фигурируют всякого рода «песчинки мироздания» - от анатомических вопросов о суставах свиньи до земли, состоящей из камней и песка, и неба - скопления звезд. В ряду вопросов о составе Вселенной неслучаен и вопрос о четверти ржи, т. е. о способе измерения сыпучих тел. Интересно и то, что вопрос «Сколько?» подразумевает в ответе числительное, которое в мифологическом тексте всегда связано со строением окружающего мира. Учитывая время произнесения данных текстов – сакральный период смены Старого и Нового года – следует особо подчеркнуть космологическую природу данных текстов, связанных с сотворением мира, возвращением его из состояния небытия. При изучении обрядности зимних святок следует всегда учитывать, что она «воспроизводит своей структурой ту порубежную кризисную ситуацию, когда из хаоса возникает космос»⁵.

Думается, неслучайно и появление в текстах слов со значениями «волосы», «шерсть», связанных с растительностью (ср. холст – обработанное растение), так как именно растительность в широком смысле связана с понятиями «душа» и «жизненная сила», столь необходимыми для возрождающегося мироздания.

В Архангельской Карелии еще недавно можно было записать текст называемый «Сюнти» или «Слова Крещенской старухи». «Крещенская старуха» или «Старуха Виеристя» - мифологический персонаж, олицетворение святочного времени (в Южной Карелии – «Сюндю»). В свою очередь Сюнти, как и Сюндю имеет один корень с глаголом *syntyä*, т. е. «рождаться». В заговорах слово «сюнтю» выступает в значении мифологического происхождения вещей, например, *tulen synty* – «происхождение огня», *käärmeen synty* – «происхождение змеи» и т. д. Текст представляет собой серию из 10 «пронумерованных» вопросов и ответов (вариант записан в Вокнаволоке):

Что один? — Я здесь.

Что два? — Глаз на голове.

Что три? — Ног у котла.

Что четыре? — Сосков у коровы.

Что пять? — Пальцев на руке.

Что шесть? — Копыльев в саях.

Что семь? — Звезд в Большой Медведице.

Что восемь? — Обручей в бочке.

Что девять? — Дырок в человеке.

Что десять? — Больших заповедей (или Пальцев на ногах).

На границе Архангельской и Олонецкой губерний в Кондокской волости рассказывали о том, что каждый человек, выходящий в Святки из дома обязан был знать этот текст наизусть, иначе, по поверью, «Старуха Виеристя» могла увести не выдержавшего испытание с собой (одним из представлений о Крещенской старухе было то, что она выходит на поверхность земли из

⁵ Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. Том 2. М. 1994, с. 7.

проруби)⁶. Таким образом, текст «Что один?» имел в своем «прикладном» значении функцию заговора от «святочной хозяйки», которая в народном представлении следила за соблюдением традиции и выступала «экзаменатором» при произнесении космологического текста. Интересно, что в соревновании по сотворению мироздания представителем «среднего мира» по некоторым сведениям из Северной Карелии выступал сильный знахарь или колдун, т. е. лицо, обладающее сакральным знанием.

Следующий рассказ записан на границе с Мурманской областью, где «святочная хозяйка» ассоциируется с водяным: в Святки нечетное число гадающих ходило «слушать» на озеро под предводительством колдуна, который вел все «переговоры» с водяным, тем временем, пока гадающие сидели на санях, укрывшись сверху овчиной. Троекратное вызывание водяного колдуном и троекратное поднятие воды в проруби заканчивалось появлением водяного, причем он сразу задавал десять вопросов из серии «Что один?». После обмена вопросами и ответами спрашивать начинал колдун, причем первые вопросы касались всей общины: о царе, войне, цене продовольствия и т. д. Уже после этого следовали вопросы личного характера об уготованной гадающим судьбе. Таким образом, «сценарий» был построен от общего к частному (как и в описанном выше литье олова).

По всему северу Карелии, а также Финляндии (Северная Приботния и Лапландия) и финноязычной Северо-Восточной Швеции (Лянсипохья), судя по материалам из Фольклорного архива Общества Финской Литературы, был распространен вышеприведенный «десятеричный» текст «Что один?» с небольшими вариациями, касающимися в основном ответа на последний вопрос: вместо 10 пальцев здесь появляются 10 заповедей. Помимо этого, в ответе на восьмой вопрос в Северо-Восточной Финляндии встречается фраза: «Кап в четверти», где термин "карра" означает (как и четверть) меру сыпучих тел, одну восьмую четверти. Два раза на севере Финляндии встретился ответ на девятый вопрос: «Девять волокон в веревке». Один раз количество вопросов дошло до одиннадцати, и ответом было: «Одиннадцать апостолов», что является неверной передачей традиции более южных районов Финляндии, где встречается двенадцать вопросов и ответ на последний из них: «12 апостолов». Смещение номеров в ответе говорит о том, что последние два вопроса нехарактерны для северной, более архаической традиции. Несомненная архаика присутствует в ответе на вопрос «Что десять?» из Рованиеми (в Лапландии), где в двух случаях был записан ответ: «Десять когтей у орла». Особенностью Лянсипохья является то, что правильным ответом на первый вопрос здесь считался «Один глаз у черта» (подобный ответ: «Один глаз у гнома» зафиксирован на юге Финляндии).

При продвижении в южные районы Финляндии различий в ответах становится больше, хотя сама структура текста и большая часть ответов остаются идентичными северным. В провинции Ууусимаа текст звучит так: «Что один? Один глаз у топора / Что два? Ног у курицы / Что три? Ног у котла / Что четыре? Сосков у коровы / Что пять? Пальцев на руке / Что шесть? Дырок в подкове / Что семь? Звезд в Большой Медведице / Что восемь? Эре в марке (эре – мелкая монета) / Что девять? Дырок в человеке / Что десять? Кап в карпио» (меры сыпучих тел). В провинции Сатакунта (Юго-Восток Финляндии), где

⁶ Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo, 1958, s. 582.

наблюдается наибольшее разнообразие рассматриваемых текстов, отмечены следующие разночтения в сравнении с приведенным текстом из Уусимаа: помимо уже упоминаемого ответа на первый вопрос: «Один глаз у гнома», на вопрос «Что три?» в тексте из прихода Лемпяля дается ответ: «звезд в Кресте» (созвездие), на вопрос «Что девять?» ответом служит «Девять дюймов длина пяди», есть и одиннадцатый вопрос, правильным ответом на который назван «Ночей во «Времени раздела» (двенадцатидневный календарный период по своей обрядности соотносимый со Святками). Наконец, в одном из вариантов, записанном в той же Сатакунта (Аластаро), меняется сама форма вопроса, хотя нумерация и ответы остаются без изменений. Вопрос сформулирован так: «Что первая правда?», «Что вторая правда?» и т. д.

Следует упомянуть и об особой форме южнофинского текста, внутри которого дается перечень действий или работ, относящихся к какому-либо производственному циклу или процессу. В текстах этого типа первая часть оформлена так: «Время час - встали, время два – пошли ловить (рыбу), далее: вернулись, мыли, сушили, варили, спали, встали, пошли вокруг горы и т. д. Имеется несколько вариантов, где значения глаголов связаны с обработкой и изготовлением льняных или шерстяных ниток, это глаголы «вязать», «связывать», «ткать», «чесать», «прясть» и «вертеть». Как известно тема прядения и ткачества, как и приготовления (обрядовой) пищи присутствует во многих ритуальных действиях, связанных с переходными календарными периодами. Помимо того, в данной структуре текстов присутствует, уже отмеченное выше, магическое название действий, тем более, когда перечисляются работы, представляющие законченный «производственный цикл» (ср. «обратный» пример: на произнесение имени медведя в зимние святки у карел наложено табу – «разбуженный» произнесением вслух своего имени, он может летом навредить стаду).

Заметим, что на всей территории Финляндии нумеративные тексты, записанные в первые два десятилетия XX века, зафиксированы в качестве детских считалок и прибауток. Но имеются и такие примеры, которые при всем желании детскими песенками назвать сложно. Таков текст из Юго-Западной Финляндии, тематика которого имеет сугубо христианское, библейское содержание и состоит из двенадцати вопросов, что объединяет его с некоторыми текстами общеевропейской, в том числе восточноевропейской традиции (восходящими к древнееврейским ритуальным диалогам пасхальных праздников): «Что один? Один Господь Иисус, который властвует на небе, море и земле / Что два? Два завета Моисея / Что три? Три патриарха / Что четыре? Четыре евангелиста / Что пять? Пять книг (Пятикнижие) / Что шесть? Шесть чаш с водой, которая стала вином / Что семь? Семь душ / Что восемь? Восемь святых даров / Что девять? Девять ангелов / Что десять? Десять заповедей божьих / Что одиннадцать? --- (ответ не записан) / Что двенадцать? Двенадцать апостолов».

Таким образом, ответы на вопросы серии «Что один?» в севернокарельской и финской традиции касаются 1. космических объектов (количества звезд в созвездиях), 2. частей тел человека, 3. частей тел животных, 4. конструкции окружающих человека предметов, 5. мер объемов и длины, 6. структуры денежных единиц (количество мелких монет в более крупной единице). Основные догматы христианства также представлены при помощи числового кода. Свое место занимает и антагонист – черт и другая, с точки зрения христианства, «нечистая» сила. Небезынтересно и то, что в ответах

выясняется количество ночей «времени раздела», т. е. структура и количество времени, соответствующее святочному периоду. Что касается карельской, более архаической традиции, благодаря сведениям о которой, мы, собственно, и можем с уверенностью возводить все рассмотренные материалы к космогоническим текстам, то в представлениях о святочных духах - Крещенской старухе и южнокарельском Сюдю - особое место занимает вода и воздух - стихии, из которых появляются в начале кризисного периода и куда уходят после сотворения космоса силы, олицетворяющие начало начал – неразделенный хаос Вселенной⁷.

«Переход от неорганизованного хаоса к упорядоченному космосу составляет основной внутренний смысл мифологии, содержащийся уже в архаичных мифах творения (где речь идет не о происхождении космоса в целом, а тех или иных животных, явлений природы, обычаев и т. п., т. е. так или иначе о достижении природной и социальной упорядоченности)», пишет В. Н. Топоров. «Материальным составом» творимых объектов чаще всего служат либо части тела, слово и т. п. любого из творцов (бога или человека, иногда – животного) (...), либо элементы, смешанные в хаосе»⁸. Причем с хаосом часто отождествляется водная стихия (первозданные воды в космологии, ср. руны о сотворении мира в калевальской поэзии), мотив возникновения мира из которой практически универсален. «Элементы, или стихии (...) образуют первичный материал для строительства космоса... Смешанные и неразделимые в хаосе, они разъединяются и «очищаются». Это разъединение скрытых в хаосе стихий представляет собой один из элементарных космогонических актов, которые совершаются при космогенезе»⁹.

Действительно, перечисленные выше ответы на серию вопросов имеют одно общее свойство: они отвечают на вопрос «Сколько?» (ср. рассказы о гаданиях). Их легко можно представить и в «перевернутой» форме: Сколько человек? – Я один / Сколько глаз? – Два / Сколько ножек у котла? – Три и т.д. Некое бесформенное целое разъединяется, предметы приобретают форму, а с ней и содержание, внутреннюю структуру, место в пространстве космоса. Сам принцип счета здесь можно воспринимать как разделение единого целого на части, образующие некую систему организованного космоса, связанного со строением человеческого тела.

«Тексты, излагающие акт творения, весьма часто строятся на основе аналогического числового принципа в сочетании с вопросно-ответной формой. (...) Тексты такого рода воспроизводят одну из наиболее древних схем космогонического повествования»¹⁰. Для подтверждения этой своей мысли В. Н. Топоров приводит пример из древнескандинавского эпоса (Старшей Эдды) о диалоге-состязании верховного бога асов Одина с великаном, представителем хтонических сил Вафтрудниром: Один: «Дай первый ответ, как создали землю, как небо возникло...?» Ватруднир: «Имира плоть стала землей, ... небом стал череп...». Всего задается 10 вопросов об устройстве Вселенной.

Случайно ли, что число 10 встречается в космологических текстах как у карел, так и у скандинавов, ведь как известно, карелы в своей ранней истории

⁷ Конкка А.П. Святки в Панозере или Крещенская свинья // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск 2003, с. 130-135.

⁸ Топоров В. Н. Космогонические мифы, с. 6-8.

⁹ Там же, с. 7.

¹⁰ Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам, VI. Тарту 1973, с. 117.

имели непосредственный контакт со скандинавами? Думается это не случайность, так как некоторые факты из той же календарной мифологии, например, представления о Крещенской свинье указывают на существование подобных связей.

Изучение вышеприведенных текстов находится в самом начале. Оно может идти по разным направлениям: может исследоваться собственно «десятеричный текст». Одним из объектов такого исследования могли бы стать заговоры, построенные по принципу счета от одного до десяти и обратно, по убывающей (кстати, имеются сведения о том, что текст «Что один?» иногда читался в «перевернутом» виде, т. е. начинался с десятого вопроса). Следует заметить, что в карельской традиции (то же можно с определенными оговорками сказать и о севернорусской, в особенности, архангельской) многие заговорные формулы построены по принципу «поиска прародителя». Например, в лечебном заговоре от ожога выясняется происхождение огня «как явления», а знахарь, «определивший» родословную огня, угрожает воздействовать на силы и явления его породившие, т.е. на его «прародителей». Сюнтю (ср. сюнтю глубокие) здесь выступает как некий, известный только посвященному, свод мифологических знаний о природных явлениях и их взаимосвязях в окружающем человека мире. Связь карельских заговоров с космологическими текстами иногда совершенно очевидна. Второй возможный вариант направления исследований – загадка, которая как по своей сути, так и по форме связана с рассматриваемыми календарными текстами и имеет свою функцию в период переходного календарного времени. В Архангельской Карелии известен персонаж «Хозяйка загадок», которая является одной из ипостасей «Крещенской старухи», т. е. спускающегося с небес или выходящего из воды святочного духа. Самобытный материал в области изучения связей загадки с календарными обрядами обобщен в исследовании Н. А. Лавонен¹¹.

Таким образом, диалоги космологического содержания в святочной обрядности карел дают нам теоретическую основу для изучения целого ряда обрядовых текстов со сходной структурой, о древности которых говорит и их широчайшее географическое распространение от скандинавского эпоса до древнееврейских пасхалий и индийской веддической поэзии.

¹¹ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л. 1977.